

Автобус

Светло-зелёный автобус ехал мимо тёмно-зелёного леса. С каждым часом в окнах становилось больше синего и меньше зелёного, лес делался ниже – словно уходил в землю, превращался в траву. А потом вдруг снова выпрыгивал вверх, заслоняя небо и будто хихикая – обманул, обманул!

«Автобус – большая погремушка, – подумала Коза. – А я шарик, который в нём гремит. Болтается, стучается о стенки и гремит – бум, бум!»

Дорога была разворочена, измята лесовозами. Автобус вилял от одной обочины к другой, стараясь не попасть в ямы-ловушки. Каждая остановка отнимала у автобуса одного-двух пассажиров.

А теперь в салоне со штопаными, потёртыми сиденьями и заклеенными трещинами в окнах осталась одна Коза – шарик в погремушке – бум, бум! – она постучала кулаком в окно.

«Может, я больше похожа на Колобка? – подумала Коза. – Я от бабушки ушла, я от дедушки ушла... И от ЗэПэ ушла!»

Коза искоса глянула в прямоугольник зеркала над лобовым стеклом и убедилась, что водитель снова смотрит на неё.

«А от тебя и подавно уйду! – Коза нахмурилась. – Только ты хотя бы до остановки довези. У меня же рюкзак!»

Ещё недавно водитель неотрывно смотрел на дорогу. Но чем меньше становилось пассажиров, тем чаще он поглядывал на Козу. Его взгляд делался острее и острее. Он протыкал Козу, как бабочку.

На предыдущей остановке из автобуса, охая, вылезли старик и старуха, распоследние взрослые пассажиры. Наверное, хозяева какого-нибудь дома в полупустом шахтёрском посёлке. Других тут нет.

«Ну, сейчас начнётся! — подумала Коза и приготовилась врать. — Нет, всё-таки автобус — это бегемот. Он съел меня и водителя, съел, а потом побежал на север. Потому что он полярный бегемот».

Автобус вильнул к обочине и, хрустнув крошкой разбитого асфальта, остановился. Сразу стало слышно, как ветер

кошкой трётся о ели, змейёй скользит по стёклам автобуса — ш-ш-ш-с-с.

«Как пишут в книгах — вечерело», — подумала Коза.

Водитель встал, потирая поясницу, скривил губы, будто ему между зубов попала рыбья кость, вылез в салон и оглядел его, проверяя, не прячется ли где взрослый.

Коза с готовностью улыбнулась:

— Бензин кончился или перекур начался?

— Ты мне, нывка, зубы не заговаривай. С кем едешь?

«Нывка» на коми языке «девочка» — Коза это знала. Ну, и несколько других слов.

— А-а! — Коза улыбнулась ещё шире, показав дырку на месте переднего верхнего слева. — Я одна, но меня на остановке встретят.

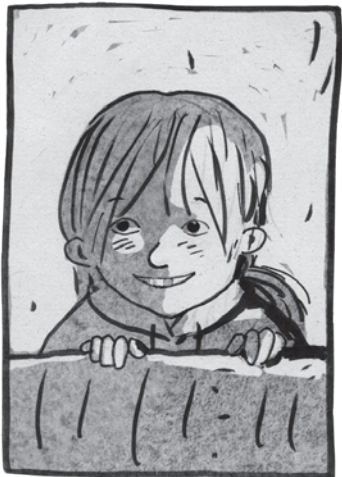
— В Тикан-Тикаде?! — Водитель удивился. И не поверил. Он знал, что в Тикан-Тикаде автобус встретить некому.

Вот уже лет тридцать некому. — Привидения встретят?

Коза вздохнула с притворной усталостью.

— Родители, родители, кто ж ещё. Они купили в Тикане развалюху и всю весну подклеивали, штопали — ремонтировали.

— В Тикан-Тикаде? — глуповато повторил водитель. Повторил так, будто Тикан-Тикад — самое страшное место на земле.

Коза не ответила, продолжая приветливо давить взглядом на водителя.

Тот явно не знал, что делать.

— А почему ты сразу с ними не поехала?

— Дом холодный, отопления нет. И туалета. Сказать ещё, чего нету?

Коза сочувствовала водителю. Встретить ребёнка без родителей на краю света — это ох-ох-ох какая ситуация! Кошмарный кошмар! Нужно либо верить детской болтовне, либо везти находку в полицию. А где она, полиция? Вот именно. Полдня пути, не меньше. Такое требует героизма. А водитель не был героем. Водитель внутренне мучился. Он хотел домой — ужинать и спать.

— Пятнадцать лет тут ездю, ни разу никто в Тикан-Тикад не ездил. И этой весной никто не ездил.

Во вранье на полдороге останавливаться нельзя. Это Коза хорошо усвоила за пять лет в Д2.

— У нас «тойота», — сказала она. — «Лендкрузер». Я вообще на автобусе первый раз в жизни еду.

Это, кстати, почти правда была — про автобус.

Водитель, очевидно, решил, что Коза не смогла бы придумать про «лендкрузер». Наверное, мало у него было опыта общения с «нывками». ЗЭПэ, например, так легко не проведёшь. Вот у кого опыта — хоть экскаватором отгребай.

Водитель полез обратно в кабину, что-то ворча на коми языке.

«В животе бегемота побурчало, побурчало и успокоилось», — подумала Коза.

Она зажмурилась и с размаху хлопнула себя по левой щеке. Подождала, пока боль пройдёт, и ударила по правой. Потрясла головой.

Водитель испуганно смотрел на неё в зеркало. Заметил. Но совесть он уже отключил. А что ему оставалось делать? Не герой, просто унай — обычный коми дядя.

«Бегемот» заворчал и, размахивая выхлопным хвостом, побежал дальше.

Лес за окном присел на корточки, потом, через пару километров, привстал на цыпочки, тут же рухнул на карачки и дальше полз в таком скрюченном состоянии. Надвинулась тундра. Её длинные языки то там, то сям проникали в лес, слизывая деревья.

Через полчаса тряски и вихляний между ямами автобус затормозил у бетонной остановки. Из её обломанной крыши в разные стороны, как щупальца огромного осьминога, торчала ржавая арматура. И конечно, тут никого не было. Хотя привидения, может, и были. Этого не проверишь.

Водитель ничего не спрашивал. Коза видела, что он всё понимал, понимал и мучился. Козе опять стало его жалко. Он-то при чём? Проходя мимо кабины, Коза вынула из кармана телефон и закричала в него:

— Пап, ну вы где? Я подъехала, а вас нету! Темнеет же! Тут вот дядя водитель переживает. — Она подмигнула водителю. — Давайте, давайте, бегите бегмя!

Коза сунула телефон в карман.

— Увлеклись ремонтом, — сказала она. — А что родная дочь на семи ветрах одна стоймя стоять должна, об этом никто не подумал.

Водитель молчал.

— Ты...

Он махнул рукой, закрыл дверь, развернул «бегемота», заехав одной «лапой» на обочину, и, выстрелив кудрявым чёрным облаком, затрясся по разбитой дороге на юг, к семье, ужину, к жизни без сумасшедших девочек.

— Меня он забудет через час, — сказала Коза. — Заставит себя забыть. Грустно!

Коза глубоко вдохнула запах бензина. Теперь ей долго не придётся его нюхать. И снова со всей силы ударила себя по щеке. Получилось больно, из глаз даже потекли слёзы.

— А не надо врать! — сказала Коза и, подумав, добавила: — Но как по-другому? Ладно, тут врать можно только волкам. А они этого не поймут. Думаю, что не поймут.

Коза вынула из кармана мобильник. Через экран тянулась трещина, будто фотография чёрной молнии. Коза нашла телефон на автобусной станции. Всю жизнь мечтала о мобильнике, и вот на тебе. А он не работает. Даже батарею вытащили. Вот же неприятность! Значит, не Коза первая нашла. Но всё-таки пригодился. Коза размахнулась, чтобы грохнуть телефон о стену остановки. Ей весь день хотелось что-нибудь грохнуть. Чтобы фонтаном в разные стороны! Она уже приняла свирепое выражение лица, но в последний момент передумала.

— Нет, — сказала Коза, — теперь тут мой дом. А в доме, как говорит ЗэПэ, должен быть что? Верно, детки, — порядок! По-о-орядочек!

Коза бросила телефон в измятую урну с ржавой водой, надела на плечи рюкзак и подошла по обочине к погнутой табличке с надписью «Тикан-Тикад». Она была прострелена в двух местах. Вероятно, охотники баловались.

Коза свернула с дороги на глубоко утопленную в траве тропинку к посёлку.

— Я — одnogорбый полярный верблюд! — пропела Коза. — Только, смотрю, растения вокруг какие-то не верблюдные.

Коза шла в сумерках по широкому пространству, покрытому волнами вереска. Она шла как будто между двух тарелок. Сверху серая тарелка — небо, снизу серая тарелка — земля. А между их краями — кисельная полоса заката, которую через несколько часов можно будет назвать рассветом. Пространство укатывалось куда-то за пределы гигантских тарелок, казалось шире видимых неба и земли. Там оно соединяется с какими-то другими мирами, которые ждут и зовут Козу. С каждым днём эти гигантские тарелки будут расходиться дальше и дальше, открывая всё больше пространства. Наступит полярный день, и тарелки отодвинутся в неизведанные космические глубины. А осенью тарелки сомкнутся — и привет, ночь на несколько месяцев. Тогда мир сожмётся, станет маленьким-маленьким, как скомканная газета. Газета, на которой написано: «темень», «пурга», «свечка», «луна» и «волки».

Ветер гнал травяные волны к кисельной полосе, белые звёзды багульника и красные гроздья кипрея рыбками скакали в густых серо-зелёных волнах. Из них там и сям выступали островами кусты ивы, ольхи и карликовой берёзы ростом с Козу. Земля под вереском будто тоже волновалась. Будто кто-то мягко встряхивал её, словно огромное покрывало, пуская по нему широкие волны. Время от времени Козе хотелось остановиться и схватиться за что-нибудь, чтобы не потерять равновесие на этой колеблющейся поверхности. Вот прокатилась почти океанская волна, дальний конец скатерти-земли взметнулся, подняв из каких-то глубин Тикан-Тикад. Всего несколько домов. Они поколыхались вверх-вниз, словно мираж, и утвердились на своих местах. Коза остановилась.

Всё было как на той картинке из интернета, которую она увидела полгода назад. Сказочные пряничные домики с черепичными крышами и широкими кирпичными трубами, с окнами на все стороны и круглым слуховым окошком, откуда по ночам должна вылетать сова в пышном белоснежном оперении. Домики из сказки про Гензеля и Гретель.

Коза вдохнула свежий ветер с едким запахом багульника, хвои и далёкого-далёкого моря. А ещё тут пахло горами. Как пахло? Коза этого не смогла бы объяснить. Пахло — и всё тут. Земля под ногами Козы снова закачалась. Коза засмеялась и пошла к самому красивому дому. Она решила назвать его Гензель.

Гензель

Двери у Гензеля не было. Однако на крючке, ввинченном в косяк, висел слегка заржавленный ключ, старинного вида, с замысловатым кольцом и широкой бородкой.

— Странно! — сказала Коза. — Я бы поняла, если бы у пустого дома была дверь и не было ключа. А тут всё наоборот!

Она вошла в прихожую.

Там лежала охапка тряпья с полуистлевшей подушкой. Соскочив давным-давно с одного из двух гвоздей в стене, к полу наклонилась вешалка с полкой для шляп. На полке, зацепившись петельками, застрял вязаный чёрный берет. Из берета выглядывало гнездо. Оно было похоже на растрёпанный парик, который кто-то случайно снял с головы вместе с шапкой. В гнезде голубело что-то вроде осколков чашки.

Ветер шевелил лохмотья отклеившихся от стены полосатых обоев. Они шелестели совсем как листья.

Коза сунула руку в гнездо и вытащила голубую скорлупку.

— Певчий дрозд, — сказала она. — *Turdus philomelos!*

